

СОВЕТСКАЯ РАЗВЕДКА НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена анализу интерпретаций российскими историками деятельности советской разведки накануне Великой Отечественной войны, а также реакции советского руководства на сигналы разведки о военных планах Германии. Особое внимание уделяется интерпретационным моделям исследователей, их аргументации.

Ключевые слова: советская разведка, дипломатия, Великая Отечественная война.

В статье анализируются существующие в российской историографии мнения в отношении данных, поставляемых советской разведкой накануне Великой Отечественной войны.

Дискуссия идет по следующим вопросам: удалось ли советской разведке вскрыть замыслы германского командования и определить сроки нападения Германии на Советский Союз? Насколько точны были данные советской разведки и могло ли военно-политическое руководство СССР сделать однозначные выводы в отношении того ожидать или нет наступления немцев в июне? Есть ли вина Сталина в том, что он не решился привести войска приграничных военных округов в состояние полной боевой готовности, имея на руках многочисленные свидетельства подготовки немцев к войне?

По версии М.И. Мельтюхова, Сталин на основе донесений разведки не мог сделать однозначный вывод в пользу того, что уже летом 1941 г. вермахт предпримет наступление на Советский Союз¹. К такому заключению исследователь приходит на основе анализа донесений таких известных разведчиков, как «Корсиканец», «Старшина», Р. Зорге и другие. Историк показывает, что их донесения постоянно противоречили друг другу, а те исследователи, которые

берутся доказать, что Сталин знал о приготовлениях Германии, просто вырывают нужные им свидетельства советских разведчиков из общего контекста, в результате чего и создается ложная картина обстановки того времени².

М.И. Мельтюхов утверждает, что источник в Берлине сообщил неверную информацию в Москву о том, что Гитлер 18 декабря 1940 г. отдал приказ о подготовке плана войны с СССР, в то время как он утвердил план «Барбаросса», и отдал приказ о разработке этого плана ещё в июле 1940 г. Из этого историк делает вывод: «советской разведке удалось получить сведения о том, что Гитлер принял какое-то решение, связанное с советско-германскими отношениями, но его точное содержание осталось не известным, как и кодовое слово «Барбаросса»³. При этом он ссылается на статью А.Г. Павлова, в которой тот пишет, что советский агент барон фон Шелиа по кличке «Ариец» 29 декабря 1940 г. сообщил о том, что Гитлер отдал приказ о подготовке войны против СССР⁴. В.Я. Сиполс поставил под сомнение тезис о том, что советская разведка точно вскрыла планы немецкого командования, в то время как советское правительство не предпринимало никаких адекватных мер. Историк пишет, что «Корсиканец» и «Старшина» не имели доступа к немецким документам, поэтому информация была не «из первых рук» и содержала много неточных сведений. Разведчики не сообщали точную дату нападения Германии на Советский Союз, вводили в заблуждение советское руководство информацией о том, что Германия не начнет военных действий против СССР, пока не покончит с Великобританией. Также «Старшина» и «Корсиканец» утверждали, что перед нападением на Советский Союз Германия выдвинет ультиматум, что тоже ставило советское правительство в выжидательную позицию⁵. Историк настаивает, что разведка не знала о блицкриге, она сообщала только, что Германии нужна Украина в качестве продовольственной базы⁶. Он ставит под сомнение и достоверность информации, согласно которой Р. Зорге в одном из своих сообщений указал точную дату нападения Германии на Советский Союз: «Фотокопии ни одной телеграммы Зорге, в которой он указывал де дату 22 июня, почему-то не опубликовано. Судить о том, насколько точной или неточной была поступавшая от Зорге информация о германских планах, можно будет только тогда, когда предадут гласности достаточно полную, причем не вызывающую сомнений, подборку его сообщений»⁷. Историк пишет, что существует фотокопия телеграммы Зорге от 15 июня 1941 г., в которой он сообщает, что военный атташе не знает: начнется война или нет. У исследователя возникают сомнения и по поводу сообщения

Зорге от 30 мая 1941 г., в котором тот передает, что нападение начнется во второй половине июня 1941 г. Сиполс сомневается, что подобная информация могла дойти до токийского посольства, «так как подобные сведения не передавались Гитлером вообще никому»⁸.

Напротив, А.Г. Павлов считает, что разведка сделала все от нее зависящее и итогом ее работы стал доклад Ф.И. Голикова, в котором тот сообщил о том, что нападения стоит ждать в период с 15 мая по 15 июня 1941 г. Но из-за боязни не угодить мнению вождя, что немцы войну не начнут, Голиков объявил те факты, которые назвал сам, дезинформацией. Таким образом, вина за провал 1941 г. лежит полностью на Сталине, который создал атмосферу страха в Разведуправлении⁹. Но есть и другие точки зрения.

Так, А.Г. Фесюн пишет, что Р. Зорге добывал очень важную информацию для Центра, например он имел допуск к документам допросов перебежчика Г.С. Люшкова¹⁰. Также Р. Зорге имел прямой выход на немецкого посла в Японии Э. Отта, который доверял ему конфиденциальную информацию. Например, 20 мая 1941 г. Зорге сообщал, что Отт на 95 % уверен, что начнется война между Германией и Советским Союзом и называл примерную дату начала боевых действий – вторая половина июня. 20 июня Зорге подтвердил, что война уже неизбежна¹¹. По мнению Фесюна, причины недоверия к донесениям Р. Зорге кроются не в том, что они были неточны, а в том, что их автор был связан с «врагами народа»¹².

В.Г. Кикнадзе утверждает, что несмотря на ряд недостатков в организации радиоразведки, ей удалось добыть как косвенные, так и прямые свидетельства подготовки Германии к войне против СССР¹³. Например, благодаря радиоперехвату Краснознаменного Балтийского флота удалось узнать о переброске немецких частей в Финляндию и Норвегию в 1940 г. Радиоразведка Северного флота установила в июне 1941 г., что германские ВВС прибывают на норвежские аэродромы. Также 21 июня удалось установить, что в Финский залив вошли немецкие подводные лодки. Радиоразведка Черноморского флота установила, что румынские военно-морские силы готовятся к войне, так как была зафиксирована смена шифра – точно такой же ход был предпринят румынами во время советско-румынского конфликта вокруг Бессарабии. Это позволяло с высокой точностью утверждать, что Румыния в ближайшее время начнет боевые действия¹⁴.

В.О. Владимиров полагает, что серьезных источников в Германии у СССР не было: «В апреле 1940 г. от источника “№ 106” поступило, например, сообщение о строительстве подводного флота, основанное на просмотре кинофильма»¹⁵. Таким образом, по линии

военно-морской разведки в Москву поступали неточные и в основном косвенные данные о подготовке немецкой агрессии.

Статья М. Уля и Б.Л. Хавкина опровергает то мнение, что советская разведка не имела крупных агентов в Германии. Она посвящена советскому агенту В. Леману, который работал в гестапо и имел эсэсовский чин унтерштурмфюрера, что соответствует общевойсковому званию лейтенанта. По роду своей деятельности он занимался защитой немецкой промышленности от иностранного шпионажа и таким образом имел доступ ко многим сверхсекретным документам Рейха. Например, в 1937 г. Леман передал советской стороне экземпляр доклада «Об организации национальной обороны Германии», имевшего гриф «Особой важности, только для высшего руководства»¹⁶. 19 июня 1941 г. Леман сообщил, что германское нападение на СССР начнется 22 июня 1941 г. в 3 часа утра. Советский полпред В.Г. Деканозов срочно передал эту информацию в Москву¹⁷.

Исследователи усматривают личную вину Сталина в том, что он не создал специальную аналитическую службу, которая должна была обрабатывать всю информацию, поступающую по разным каналам. «После репрессий 1937–1938 гг. в системе советских военных органов государственной безопасности отсутствовал какой-либо аналитический орган, способный оценить поступающую информацию. Все получаемые сообщения направлялись непосредственно Сталину»¹⁸. Положение с анализом разведданных ухудшалось также в связи с конкуренцией разведок между собой¹⁹.

В то же время исследователи стараются объективно рассматривать события того времени и отмечают, что ошибиться в той сложной ситуации мог каждый. Нужно отдать должное германской контрразведке, которая сделала все от нее зависящее, чтобы скрыть мероприятия по подготовке к войне. Так или иначе, все исследователи указывают на умелую дезинформацию противником советского руководства. Немецкая контрразведка убедила советскую сторону, что боевые действия начнутся на Ближнем Востоке. Например, А.С. Степанов доказывает, что в 1941 г. СССР готовился к войне против Великобритании, так как советскому руководству были известны планы англичан по уничтожению Бакинской нефтяной промышленности. Поэтому СССР готовился к операции на ближневосточном театре военных действий. Также «британский фактор» сыграл свою роль в принятии на вооружение самолетов – высотных истребителей МиГ-3, которые были бы способны защитить нефтяные месторождения в Баку, и ИЛ-2, у которого убрали стрелка, так как было известно, что британские «спитфайры» не

вооружены пушками и не способны поразить пилота²⁰. Эти данные подтверждает и В.А. Невежин. Он сообщает, что весной 1940 г. РККА должна была действовать на ближневосточном ТВД. До весны 1941 г. немцы не фигурировали в качестве возможных противников в будущей войне. К февралю 1941 г. «почти 80 % картографических материалов освещали Южный ТВД. Кроме того, в начале 1941 г. 7-й отдел Главного управления политической пропаганды Красной Армии располагал обширными справочными материалами по Ирану, Афганистану и даже Маньчжурии. Из числа офицеров отдела, изучавших социально-политическую обстановку в странах вероятных противников СССР, свыше 80 % находились на Южном и Дальневосточном ТВД»²¹. Ссылаясь на воспоминания Жукова, М.И. Мельтюхов сообщает, что весной 1941 г. Сталин ждал боевых действий на Ближнем Востоке²².

В российской историографии идет также дискуссия о попытках германского посла Ф. Шуленбурга предотвратить конфликт между СССР и Германией. 5 мая 1941 г. в беседе с В.Г. Деканозовым он сообщил, что со слухами о войне нужно считаться как с фактом. 9 мая Сталин лично встретился с германским послом.

Исследователи делятся на тех, кто верит в то, что Шуленбург действовал по собственной инициативе, и тех, кто не допускает такой возможности, чтобы немецкий посол действовал против интересов своей страны. Вторые полагают, что это была умелая дезинформация советского руководства.

Так, В.К. Волков считает, что Шуленбург действовал на свой страх и риск, будучи противником войны между СССР и Германией. Исследователь указывает, что его усилия увенчались успехом, так как Сталин, возможно, написал письмо Гитлеру по поводу двусторонних отношений, и последний заверил советского лидера, что Германия намерена твердо придерживаться пакта о ненападении. Об этом письме и ответе на него стало известно от Г.К. Жукова, который рассказал о существовании переписки К. Симонову, затем Л.А. Безыменскому, а также писательнице Е.М. Ржевской. Волков справедливо замечает, что для того, чтобы подтвердить или опровергнуть эту версию Г.К. Жукова, нужно установить, по каким каналам осуществлялась связь. Он отмечает, что такие близкие к Сталину люди, как Деканозов и резидент НКГБ в Берлине А.З. Кобулов, были расстреляны в конце 1953 г. в связи с делом Берия, унеся многие секреты в могилу²³. В.В. Соколов объясняет причину недоверия Кремля к словам Шуленбурга тем, что советские руководители даже не допускали мысли, что государственный деятель может руководствоваться своими личными убеждениями и восприняли его

слова как попытку надавить на СССР в ходе будущих переговоров, так как немецкая контрразведка активно распространяла слухи о том, что в самое ближайшее время должен последовать ультиматум Советскому Союзу со стороны Германии²⁴. В.Я. Сиполс не считает «предупреждения» Шуленбурга немецкой дезинформацией. Прямых предупреждений немецкий посол не делал, а только намекал о негативных явлениях в двусторонних отношениях. По мнению историка, пойти на измену своей стране немецкий аристократ не мог, даты же нападения он не знал. Пользы «личная дипломатия» не принесла, напротив, она создала иллюзии, что переговоры возможны²⁵. По мнению М.И. Мельтюхова, контакты Шуленбурга и Деканозова «были связаны с вопросом о возможных советско-германских переговорах, а не были “предупреждениями” германского посла. В результате Москва не только ожидала начала переговоров, но и пыталась во второй половине июня инициировать их»²⁶.

На основании вышеприведенных фактов, можно прийти к выводу, что советская разведка поставляла множественные свидетельства подготовки Германии к войне с СССР, но одновременно советскому руководству попадала заведомая дезинформация, которая мешала сделать однозначный вывод насчет замыслов противника. В то же время к 18–20 июня 1941 г. становилось ясно, что войны не избежать, но Сталин медлил с приведением советских войск в полную боеготовность, что стало одним из факторов, предопределивших поражение Красной Армии летом 1941 г. Таким образом, вина за неприведение войск в полную боевую готовность лежит лично на Сталине, ведь в созданной им системе все важные вопросы требовали личного одобрения диктатора.

Примечания

¹ См.: Мельтюхов М.И. Советская разведка и проблема внезапного нападения // Отечественная история. 1998. № 3. С. 4, 9.

² Там же. С. 10–11, 14.

³ Там же. С. 4.

⁴ См.: Павлов А.Г. Советская военная разведка накануне Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 54.

⁵ См.: Сиполс В.Я. Тайны дипломатические: канун Великой Отечественной войны 1939–1941. М., 1997. С. 394–395.

⁶ Там же. С. 396.

⁷ Там же. С. 397.

- ⁸ Там же.
- ⁹ См.: *Павлов А.Г.* Указ. соч. С. 54.
- ¹⁰ См.: *Фесюн А.Г.* Новые документы по «делу Зорге» // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 119–120.
- ¹¹ Там же. С. 142.
- ¹² Там же. С. 119–120.
- ¹³ См.: *Кикнадзе В.Г.* Советская военная радиоразведка в годы Великой Отечественной войны // Отечественная история. 2006. № 3. С. 49.
- ¹⁴ Там же. С. 49–51.
- ¹⁵ См.: *Владимиров В.О.* Деятельность советской военно-морской разведки в Германии: 1939–1941 годы // Отечественная история. 2004. № 3. С. 17.
- ¹⁶ См.: *Уль М., Хавкин Б.Л.* Вилли Леман – советский агент в гестапо // Новая и новейшая история. 2007. № 5. С. 135.
- ¹⁷ Там же. С. 136–137.
- ¹⁸ *Волков В.К.* Призрак и реальность «Барбароссы» в политике Сталина (весна – лето 1941 г.) // Вопросы истории. 2003. № 6. С. 38.
- ¹⁹ См.: *Мельтюхов М.И.* Указ. соч. С. 17.
- ²⁰ *Степанов А.С.* Военные планы и оборонная промышленность СССР накануне и в начале Второй мировой войны: британский фактор // Отечественная история. 2006. № 3. С. 34–39.
- ²¹ См.: *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны: Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997. С. 124.
- ²² См.: *Мельтюхов М.И.* Указ. соч. С. 11.
- ²³ См.: *Волков В.К.* Указ. соч. С. 44–45, 50–51.
- ²⁴ См.: *Соколов В.В.* Германский посол в Москве в 1934–1941 годах Ф. Шуленбург – противник войны с Советским Союзом // Новая и новейшая история. 2010. № 2. С. 165–166.
- ²⁵ См.: *Сиполс В.Я.* Указ. соч. С. 401–402.
- ²⁶ *Мельтюхов М.И.* Указ. соч. С. 12.